

Со слезами идет он «на горькую смерть», благодаря Бога, что сподобил его «все претрадати любве ради словесе Твоего».

Думается, в полном согласии с древним сказателем, мы можем выразить предсмертную мысль Глеба: всякий ученик Христов оставляется в мире для страдания, и всякое невинное и вольное страдание в мире есть страдание за имя Христово. А дух вольного страдания – по крайней мере, в образе непротivления – торжествует и в Глебе над его человеческой слабостью. Князья отказываются от сопротивления, чтобы не быть причиной гибели дружины. «Уне есть мне единому умерети, – говорит Борис, – нежели столику душ». И Глеб «уняше един за вся умерети и сего ради отпусти я».

В «Сказании», очищенная от морально практических приложений, даже от идеи мужественного исполнения долга, идея жертвы, отличная от героического мученичества, выступает с особой силой.

Нестор в своем всемирно-историческом прологе к житию вызывает в памяти всю историю искупления человечества для того, чтобы «в последние дни» ввести в Церковь народ русский как «работников одиннадцатого часа».

Святые Борис и Глеб создали на Руси особый, не вполне литургически выявленный чин «страстотерпцев» – самый парадоксальный чин русских святых. Последний парадокс культа страстотерпцев – святые «непротivленцы» по смерти становятся во главе небесных сил, обороняющих землю русскую от врагов: «Вы нам оружие, земля Русская забрала и утверждение и меча обоюду остра, има же дерзость поганьскую низлагаем» («Сказание»). Все помнят видение Пелгусия в ночь перед Невской битвой (1240), когда св. Борис и Глеб явились в ладье посреди гребцов, «одетых мглюю», положив руки на плечи друг другу... «Брате Глебе, – сказал Борис, – вели грести, да поможем сроднику нашему Александру».

Но этот парадокс, конечно, является выражением основной парадоксии христианства. Крест – символ всех страстотерпцев, из орудия позорной смерти становится знаменем победы, непобедимым апотропеем против врагов.»

По всем вопросам церковных треб обращайтесь на нашу интернет-страницу: <http://www.nycathedralofsign.org/>. Вы также можете позвонить нам с 8:00 AM-6:00 PM по телефону: (212) 534-1601.

РЦЛ

ЦЕРКОВНЫЙ ЛИСТОКЪ

N 32 (490): August 7, 2022

СВЯТОДАЛЬНЫЙ СОБОРЪ ЗНАМЕННА БОЖИЕЙ МАТЕРИ

75 East 93rd Street
New York, NY 10128-1390

Телефон: (212) 534-1601.

www.nycathedralofsign.org
по благословию настоятеля Собора Митрополита Илариона, Первоиерарха РПЦЗ

Сегодня восьмая неделя по Пятидесятнице. Вчера Православная церковь отмечала день благоверных князей страстотерпцев Бориса и Глеба. Предлагаем Вашему вниманию статью профессора Свято-Сергиевского православного богословского института в Париже Федорова:

«Князья Борис и Глеб были первыми святыми, канонизованными Русской Церковью. Они не были первыми святыми русской земли. Но святые Борис и Глеб были первыми венчанными избранниками Русской Церкви, первыми чудотворцами ее и признанными небесными молитвенниками «за новые люди христианские». Как говорит одно их житие, они «отняли поношение от сынов русских», столь долго косневших в язычестве. Вместе с тем, их почитание сразу устанавливается как всенародное, упреждая церковную канонизацию. Более того, канонизация эта была произведена, несомненно, не по почину высшей иерархии, то есть греков-митрополитов, питавших какие-то сомнения в святости новых чудотворцев.

Уже после рассказа князя Ярослава о первых чудесах митрополит Иоанн был «преужасен и в усумнении». Тем не менее именно этот Иоанн перенес нетленные тела князей в новую церковь, установил им праздник (24 июля) и сам составил им службу (1020 и 1039 г.). Со времени убиения князей (1015 г.) прошло так мало лет, а сомнения греков были так упорны, что еще в 1072 г., при новом перенесении их мощей, митрополит Георгий «бе не верствуя, яко свята блаженная». Нужна была твердая вера русских людей в своих новых святых, чтобы преодолеть все канонические сомнения и сопротивление греков, вообще не склонных поощрять религиозный национализм новокрещеного народа.

Нужно сознаться, что сомнения греков были вполне естественны. Борис и Глеб не были мучениками за Христа, но пали жертвой политического преступления, в княжеской усобице, как многие до и после них. Одновременно с ними от руки Святополка

пал и третий брат Святослав, о канонизации которого и речи не было. Святополк, начавший избивать братьев в стремлении установить на Руси единое государство, лишь подражал своему отцу Владимиру-язычнику, как об этом вспоминает сам святой Борис. С другой стороны, греческая церковь знает чрезвычайно мало святых мирян. Почти все святые греческого календаря относятся к числу мучеников за веру, преподобных (аскетов-подвижников) и святителей (епископов). Миряне в чине «праведных» встречаются крайне редко. Нужно помнить об этом, чтобы понять всю исключительность, всю парадоксальность канонизации князей, убитых в междоусобице, и притом первой канонизации в новой Церкви вчера еще языческого народа.

К житиям этим, древнейшим памятникам русской литературы, надо обратиться за ответом на вопрос: в чем древняя Церковь и весь русский народ видели святость князей, самый смысл их христианского подвига? Три житийных памятника, посвященные святым князьям в первое же столетие после их мученической смерти, дошли до нас: 1) летописная повесть под 1015 г., 2) «Чтение о житии и погублении блаженных стратотерпцев Бориса и Глеба», принадлежащее перу знаменитого Нестора Летописца – конец XI века, 3) «Сказание, страсть и похвала св. мучеников Бориса и Глеба», произведение неизвестного автора той же эпохи, приписанное митрополитом Макарием черноризцу Иакову.

Только Нестор в стремлении к житийной полноте сообщает некоторые сведения о жизни святых князей до убийства их. Сведения эти очень скудны: время изгладило все конкретные черты. Борис и Глеб рисуются связанными тесной духовной дружбой. Юный Глеб («детск телом») не разлучается с Борисом, слушая его день и ночь, Борис, наученный грамоте, читает жития и мучения святых, моля Бога о том, чтобы ходить по их стопам. Милостыня, которую любят творить князья, объясняется влиянием отца Владимира, о нищелюбии которого Нестор тут же сообщает известные летописные подробности. Эти же милосердие и кротость Борис проявляет и на княжении в своей волости, куда уже женатого (по воле отца) посылает его Владимир.

Смерть князя Владимира (1015) застаёт Бориса в походе на печенегов. Не встретив врагов, он возвращается к Киеву и дорогой узнает о намерении Святополка убить его. Он решает не противиться брату, несмотря на уговоры дружины, которая после этого оставляет его. На реке Альте его настигают убийцы, вышгородцы, преданные Святополку. В своем шатре князь проводит ночь на молитве, читает (или слушает) утреню, ожидая убийц. Путша с товарищами врываются в палатку и пронзают его копьями (24 июля). Верный слуга его, «угр» (венгр) Георгий, пытавшийся прикрыть своим телом господина, убит на его груди. Обвернув в шатер, тело Бориса везут на телеге в Киев. Под городом видят, что он еще дышит, и два варяга приканчивают его мечами. Погребают его в Вышгороде у церкви св. Василия.

Глеба убийцы настигают на Днепре у Смоленска, в устье Медыни. По летописи и «Сказанию», князь едет водным путем, по Волге и Днепру, из своей волости (Мурома), обманно вызванный Святополком. Предупреждение брата Ярослава, застигшее его у Смоленска, не останавливает его. Он не хочет верить в злодейство брата Святополка. Ладья убийц встречается с ладьей Глеба, тщетно умоляющего о сострадании. По приказу Горясера собственный повар Глеба перерезает ножом его горло (5 сентября). Тело князя брошено на берегу «между Двумя колодами», и лишь через несколько лет (1019 – 1020), нетленное, найдено Ярославом, отмстившим братнюю смерть, и погребено в Вышгороде рядом с Борисом.

Даже краткий летописный рассказ приводит молитвы и размышления святых князей, долженствующие объяснить их почти добровольную смерть. Легко и соблазнительно увлечься ближайшей морально-политической идеей, которую внушают нам все источники: идеей послушания старшему брату. Но мы не знаем, насколько начало старшинства было действительно в княжеской и варяжско-дружинной среде в начале XI века. Князь Владимир нарушил его. Св. Борис первый формулировал его на страницах нашей летописи. Быть может, он не столько вдохновляется традицией, сколько зачинает ее, перенося личные родственные чувства в сферу политических отношений. Во всяком случае, власть старшего брата, даже отца, никогда не простиралась в древнерусском сознании за пределы нравственно допустимого. Преступный брат не мог требовать повиновения себе. Сопrotивление ему было всегда оправдано. Таково праведное мщение Ярослава в наших житиях.

Совершенно ясно, что добровольная смерть двух сыновей Владимира не могла быть их политическим долгом. В размышлениях Бориса, по «Сказанию», дается и другое, евангельское, обоснование подвига. Князь вспоминает о смирении: «Господь гордым противится, смиренным же дает благодать» (Иак. 4:6); о любви: «Иже рече: Бога люблю, а брата своего ненавиdit, ложь есть» (1Ин. 4:20); и: «Совершенная любви вон измещет страх» (1Ин. 4:18). Сильно выделен аскетический момент суеты мира и бессмысленности власти. В раздумьи князя нет и намек на идею политического долга, на религиозное призвание власти. Даже княжение святого Владимира проходит, как смена мирских сует, не оставив следа.

Всего сильнее переживается Борисом мысль о мученичестве: «Аще кровь мою пролиет, мученик буду Господу моему», – эти слова он в «Сказании» повторяет дважды. В ночь перед убийством он размышляет о «мучении и страсти» святых мучеников Никиты, Вячеслава и Варвары, погибших от руки отца или брата, и в этих мыслях находит утешение. Вольное мучение есть подражание Христу, совершенное исполнение Евангелия.